

РУКОПИСИ НЕ ТОЛЬКО НЕ ГОРЯТ, НО И НЕ ТЕРЯЮТСЯ

В 1974 году молодой литератор Евгений Попов написал пьесу «Плешивый Амур» для ефремовского МХАТа. Постановку ее запретили по причине антисоветчины, хотя никакую идеологическую подоплеку автор в нее не вкладывал. Казалось бы, на этом история должна закончиться, но через 45 лет она удивительным образом продолжилась и вылилась в театральный триумф. Автор не сохранил даже полный экземпляр своего раннего произведения, зато текст был у режиссера...

«И никто не знал, что по небу полуночи летел голый плешивый мальчик. Его звали Амур. Он был пьян. Он качался в воздухе и терял золотые стрелы. Они падали на землю, косые и вертикальные, как дождь...».

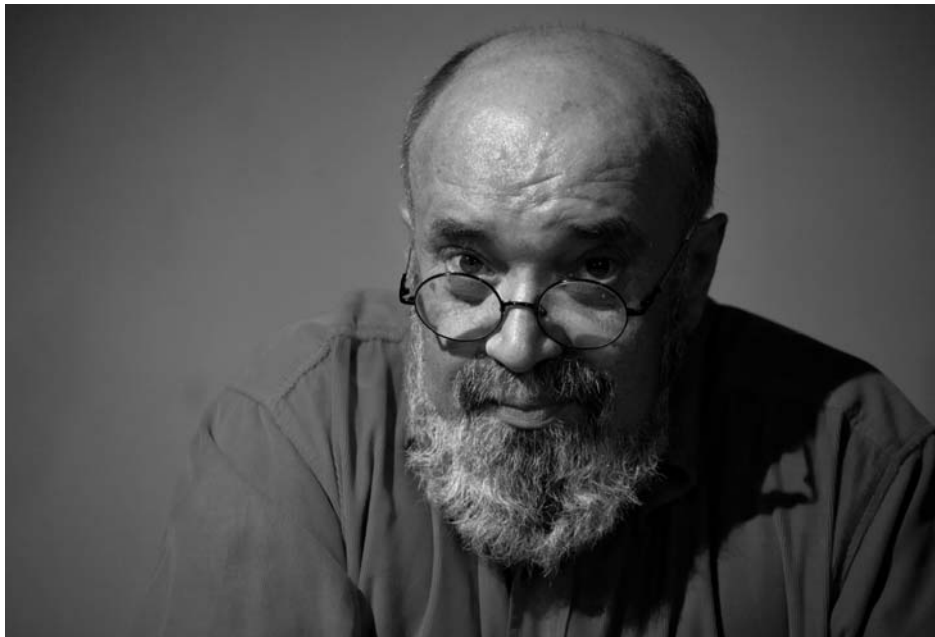
— Евгений Анатольевич, судьба вашей ранней пьесы «Плешивый мальчик» — прямо-таки детектив. В далекие советские времена факт запрета ее постановки вас, вероятно, озорчил. А теперь вы можете сказать, что рукопись постигла счастливая участь, ведь спектакль «Плешивый Амур» идет в Московском ТЮЗе с неизменным большим успехом, несмотря на то, что премьеры отгремела уже год назад?

— Разумеется, озорчил. Хотя странно было бы, если ее вдруг взяли да разрешили, это в 1974-м-то году! Мне Ефремов тогда сказал: «Женя, извини, но мы «Утиную охоту» Вампилова пробить не можем, а тут — пьянство, непотребные речи философов-алкашей, двойное самоубийство...» А, может, и хорошо, что не поставили. Человек слаб. Взятся бы я ее переделывать для цензуры в ходе постановки, загубил бы пьесу. Но мне, к счастью, этого не предлагали ввиду безнадежности затеи. Нигде не предлагали. Рукописный текст ведь тогда обошел с десяток театров, побывал в руках у некоторых ныне всемирно знаменитых режиссеров. И еще — если бы случилось чудо, и пьесу вдруг поставили, то спектакль, конечно же, носил бы СОЦИАЛЬНЫЙ характер. Политический. Хотя пьеса эта о неземной любви на фоне советской власти, но в интерьерах сибирской пьяни и рвани. С их аксиомой «Раньше сядешь — раньше выйдешь».

Сейчас, может, самое время для постановки, когда мусть отстоялась, и коммунистическая дурь сменилось дурью посткоммунистической, «с человеческим лицом». А люди... люди всегда ПРЕЖНИЕ.

— Выпускница мастерской Георгия Товстоногова, а ныне — главный режиссер МТЮЗа и народная артистка России Генриетта Наумовна Яновская осуществила немало постановок в Ленинграде, а в середине ленинградской эпопеи, в 70-е годы, был у нее и сибирский период, когда она вместе с Камой Гинкасом работала в Красноярском ТЮЗе. Как вы считаете, личное знакомство режиссера с суровым краем России повлияло на выбор вашей пьесы о сибирской провинции?

— Думаю, что да. Сибирь действительно особый район России. Кругом лагеря, а свободы больше. Об этом еще Шукшин писал в предисловии к моим рассказам, опубликованным уже после его смерти, в журнале «Новый мир» в 1976 году. Красноярский ТЮЗ в начале 70-х был для нас таким же глотком свободы, как для москвичей — Театр на Таганке. Главным режиссером красноярского ТЮЗа был тогда Кама Гинкас, которого выгнали из города, признав антисоветским спектакль... какой бы вы думали? «Судьба барабанщика» по Аркадию Гайдару! Этим идиотам везде «антисоветчина» чудилась, хотя, впрочем, они были недалеки от истины. То, что им казалось

Евгений Попов. Фото В. Попова

«антисоветчиной», в воздухе тогда было разлито — анекдоты про Брежнева и Ленина, частушки, бардовские песни, «самиздат». Людям очень сильно надоели тогда коммунисты. С Яновской и Гинкасом я тогда не был знаком, однако дружил и бражничал с актерами ТЮЗа. Кама Миронович и Генриетта Наумовна казались мне тогда недостижимыми персонами. В каком-то смысле они для меня и сейчас недостижимы — у них гораздо более сложное мироощущение, чем у меня. И вообще — режиссер должен быть умнее драматурга. Пьесу всякий дурак сочинить может... А вот ты попробуй ее поставь!

— *Финальный аккорд спектакля — коллективный поклон бараку, как живому человеку... Театровед Алексей Бартошевич узнал в сибирском дворике московский двор своего детства, а в героях — шагаловских влюбленных, парящих над нищими домишками. Мне вспомнилась жизнь с соседями в коммуналке с общей ванной и туалетом, а потом*

старая пятиэтажка, тоже особый микромир, где бабушки на скамейках всех встречают и провожают и плетут языком свой клубок всеобщей истории.

Евгений Анатольевич, а вы сами испытываете ностальгию по коммунальному бытию или коммунальной стране, как поется в песне?

— Нет, ностальгии я не испытываю. Ностальгию, я заметил, испытывают или совсем молодые люди, которые о ТОЙ ЖИЗНИ знают понаслышке или из советских фильмов. И совсем старые люди, грустящие о том, что сорок пять лет назад они были молодыми. Коммуналка — одно из жутких изобретений большевиков. Жизнь, в том числе и биологическая, физиологическая, вершится на глазах у посторонних людей. И эта жуть была НОРМОЙ! Читайте Михаила Зощенко, Игоря Холина...

А «коллективный поклон» — гениальное изобретение Яновской. Равно как и то, что герои иной раз проговарива-

Стасик — М. Виноградов, Илларион Угробин — А. Тараньжин

ют ремарки к пьесе. Это создает дивное ощущение вневременности, вечности. В принципе, непонятно, когда происходит действие спектакля. Откуда взгляд на прошлое? Из наших дней или с небес. Люди, кланяясь бараку, кланяются своему прошлому, каким бы оно ни было.

— Спектакль «Плешивый Амур» отмечен не только зрителем, но и профессиональной средой: получил премии «Хрустальная Турандот» в номинациях: «Лучший спектакль» и «Лучшая сценография». Это был ожидаемый успех для автора пьесы? Насколько точно отражен ваш замысел в работе режиссера и сценографа? Как оцениваете работу актерского ансамбля?

— Работу актеров я оцениваю очень высоко. На сцене живут и работают все. Начиная с юного Искандера Шайхутдинова и заканчивая маститым Игорем Ясуловичем. Это действительно ансамбль, действительно спевшаяся компания маргиналов с улицы Засухина. Они ведь любят друг друга, невзирая на постоянные стыч-

ки, препирательства и единственный сортир во дворе. Сквозь их внешнюю грубость прорывается нежность.

Успех не был для меня ожидаемым. Я про эту пьесу забыл и сказал Яновской в самом начале, что она вольна ставить спектакль, как ей будет угодно и переписать ее, хоть гекзамером.

Я ахнул, когда увидел декорацию Сергея Бархина. Это был тот самый дом, в котором я провел детство. Могу показать фотографию. Так что призы «Лучший спектакль» и «Лучшая сценография» вполне заслужены. Равно как и «Золотая Маска» художнику по свету Александру Мустанену.

Все это «САМО ТО», как говорят в Сибири. И еще интересная деталь: на премьерные спектакли приходила «профессиональная среда», сейчас спектакль смотрят так называемые «простые люди». Смеются, плачут, выдерживают в финале трехминутное чтение актером Александром Тараньжиным безумно-

Лиза — М. Луговая, Ольга — А. Ежова, Тамара — П. Одинцова

го рассказа «Плешивый мальчик». Так, кстати, называлась моя первая книга, которую запретили в том же году, что и пьесу. А сам этот рассказ я написал еще в 1965 году, за пять лет, извините, до «Москвы-Петушков»...

— *Главного героя пьесы, «кукольных дел писателя» Иллариона Утробина, многие читатели и зрители склонны отождествлять напрямую с вами, не подозревая, конечно, что пьесу писал 26-летний молодой человек... Амура ли представляет этот немногословный Утробин, наблюдателя, шута? Евгений Анатольевич, вас устраивает такая вариативность? Интересно, трансформируется ли с годами ваше отношение к этому образу?*

— Там есть ремарка, что я каждому персонажу отдал часть себя или своей души. В этом смысле Утробин — это я. Но и Стасик — тоже я. Утробин, конечно же, наблюдатель, прикидывающийся шутом, но рискующий им остаться на всю жизнь, если научится подчиняться — властям, женщинам, обстоятельствам.

— *Недаром Утробин носит «нутряную» фамилию. Он загадочен, весь внутри, к нему непросто подобраться. Киновед Рена Яловецкая и светило медицины Владислав Окнин, например, сошлись во мнении, что этот персонаж в спектакле показан недостаточно трагично. Но, я думаю, краски для профрисовки образа кроются и в его страстном рассказе-монологе «Плешивый мальчик», и в личном взгляде на него каждого зрителя. Что вы на это скажете?*

— Скажу, что при всем уважении к Окнину и Яловецкой придерживаюсь вашей точки зрения. Незачем ПЕРЕТРАГИЧИВАТЬ Утробина. Жив. Здоров. Водку пьет. Рассказы пишет. Не печатают. Халтурит, чтобы выжить. Разведен. Была любовь. Нормально! И он — настоящий писатель. А настоящий писатель всегда, как вы выражаетесь, «загадочен, весь внутри, к нему непросто подобраться». Хорошо, что зрители не хохочут и не хрюкают, слушая его финальный «делириумный» рассказ, который он читает в самое неподходящее для этого время.

– Подчернуто ассиметрично выстроил пространство Сергей Бархин, диагональ дома № 13 устремлена в темную глубину сцены – стрелообразная линия, если учесть углы прилегающих построек. Тревожно здесь, не весело. И в самой постановке трагическое по чеховски затмевает смешное. Прочитанный Утробиным Саша Черный запоминается лучше ироничных реплик: «Жить на вершине голой, // Писать простые сонеты... // И брать от людей из дола // Хлеб, вино и котлеты». У себя и у вас, Евгений Анатольевич, спрашиваю: в чем секрет притягательности этой грустной комедии с послевкусием надежды и светлой печали? Вы писали ее, когда были влюблены?

– Не помню. А вопрос о притягательности – к Генриетте Наумовне.

– Если в интерьере канувшего в лету советского быта общий сортир, колонка и голубятня были достаточными условиями для объединения совершенно разных людей, то что сегодня, в пору тотальной разобщенности, могло бы толкнуть людей в объятия друг другу?

– Да мало ли что? Беспредел власть имущих. Попытка сноса вместе с «хрущобами» крепких пятиэтажек, например, объединившая самых разных людей. Почти как в этом спектакле.

– Но социальность пьесы – ее побочная сторона. Из дворового эпоса вырастет мощная многовекторная история о любви и смерти... Режиссер не раз признавалась в своих интервью, что практически любой материал интересует ее именно в ракурсе любовных коллизий. Генриетта Яновская верна своему кредо... Два погибающих в конце героя, летчик без самолета Коля Малинин и почтальон Надя, без сомнения, любили. Мгновенно овдовевшая невеста Лиза, вопреки русской традиции, не столько бедная, сколько роковая, женщина-истеричка в духе Настасьи Филипповны из «Идиота» Достоевского, жива физически, но в ее сердце любовь еще не похевала... Лиза бросается на шею писателю, ища у него защиту от тревожного будущего, в котловане, как уже понятно, будет меньше человечности и гармонии. Каким вам видится продолжение сюжета?

– Лиза – в Совете Федерации. Шашлычник Свищерский – олигарх, милиционер Аникуша – начальник его службы безопасности. Утробина примут в Союз писателей за пьесу «Мурлыка», потом исключат за публикацию на Западе, потом он получит премию «Большая книга». Каждый, кто не сопьется, найдет свое место в жизни или на кладбище. Барды сочинят песню о неземной любви летчика Малинина.

– Входит ли в ваши ближайшие планы сотрудничество с МТЮЗом и другими театрами?

– Я никогда ничего не планирую. Мне, между прочим, 71 год.

– Евгений Анатольевич, вас считают «самым веселым анархистом современной словесности», первая книга ваших рассказов – «Веселие Руси» вышла в 1981 году с послесловием Василия Аксенова и Владимира Максимова. И, правда, трудно найти другого писателя, который бы в книгах, на семинарах и презентациях легко извлекал из памяти коллекцию курьезных историй. А по жизни вы готовы назвать себя оптимистом?

– Я – пессимистический оптимист. При Советах был оптимистическим пессимистом. Я не верил, что в СССР когда-нибудь что-либо изменится, но и это не было поводом для уныния. Ведь уныние – один из смертных грехов.

– Мне довелось дважды посмотреть в МТЮЗе «Амура». Благодарю вас за интервью и за испытанный восторг и слезы от встречи с подлинным искусством. Ваша пьеса и поставленный по ней спектакль «Плешивый Амур» космичны и многоярусны, как сама жизнь. Они словно говорят нам: история не проходит, она бурлит в нас, даже если не мы сами мучились в убогих коммуналках и казармах, а наши бабушки и дедушки.

Волга впадает в Каспийское море, а сибирский город К. стоит на реке Е., «впадающей в Ледовитый океан»... Усадьба на улице Засухина – своего рода «гоголевская шинель». Все мы вышли из советского барака, а еще раньше – из пещеры, леса, степи. Душою родом из какого-нибудь села Утробино-Засухино, из всепрощающей бездны Творца.

Беседовала Зульфия АЛЬКАЕВА